

Долгожданный «Стратум»

В системе русскоязычной археологической периодики XXI в. журнал «Стратум плюс», выходящий с рубежа веков, занял чрезвычайно заметное место. Большеформатные толстые тома, шесть выпусков в год, выдвинули его в первый ряд среди изданий этого рода, а молодая инициативная редакция сумела обеспечить интересное содержание. Контингент авторов и редакторов в основном сформирован двумя отрядами: молдавские и петербургские археологи. Но в выпуске журнала участвуют также исследователи других городов России, археологи Украины, Румынии и других стран.

Такой состав образовался естественным путем: в 70-е гг. молодой молдавский парень Валентин Дергачев поехал за образованием в Петербург. Вернувшись, он очень быстро вырос профессионально, в 90-е уже возглавил молдавскую археологию и посылал своих учеников в Петербург. Один из них, Марк Ткачук, оказался необыкновенно сильным организатором и создал в Кишиневе Высшую Антропологическую Школу (ВАШ) с интенсивным археологическим компонентом. В «лихие девяностые» самодеятельно возникшие в Петербурге (благодаря инициативе Олега Шарова) независимые археологические институты — издательство «Фарн» и журнал «Петербургский Археологический Вестник» — исчерпали свои финансовые и энергетические возможности. Люди устали. Ткачук перехватил инициативу и авторский коллектив. Новый журнал стал выходить с двойным обозначением места издания (Санкт-Петербург и Кишинев), а вскоре добавились Одесса и затем Бухарест. Название журнала (для археологов, геологов и социологов понятное — оно переводится как 'слой') первоначально означало «Стратум плюс ПАВ», но еще в зародыше сократилось до не совсем понятного «Стратум плюс».

До 2004 г. «Стратум» выходил сравнительно регулярно, быстро заполнив несколько полок в археологических библиотеках. Недостатком журнала оставалась его труднодоступность для массы потенциальных российских читателей: провоз томов через границу приходилось осуществлять частным порядком, индивидуально и поштучно. Осуществимость провоза зависела от дипломатических отношений Молдавии с Россией, которые то налаживались, то портились. Между тем Марк Ткачук, которого археология увлекала своими идеями (его единственная книга — «Археология свободы»), окончательно ушел в политику и стал ближайшим помощником коммунистического президента Молдавии Воронина, что резко ослабило его непосредственное участие в делах ВАШ и «Стратума». Выпуск журнала задержался на годы. И вот наконец вышли шесть очередных томов, объединяющих накопившиеся за пять лет материалы

(2005–2009). Выпуск их — заслуга деятельного помощника Ткачука в археологии Романа Рабиновича.

Есть смысл рассмотреть эти выпуски. По сложившейся традиции каждый из них посвящен одному хронологическому разделу археологии или одной широкой теме. Первый выпуск уделен палеолиту, а в палеолите избрана тема «Средний палеолит: в поисках динамики». Имеются в виду параметры эволюции, ее движущие силы и локальные особенности. Как и предшествующие выпуски по палеолиту, этот выпуск редактирует петербургский археолог Л. Б. Вишняцкий. В его собственной статье в среднем палеолите отыскиваются элементы верхнепалеолитического характера, и их «продвинутость» оценивается методом «эволюционного ранжирования». Н. К. Анисюткин, напротив, рассматривает переживание особенностей среднего палеолита в верхнем на территории Молдавии.

При чтении этого тома бросается в глаза отличительная особенность современных палеолитических штудий вообще — их близость к естественнонаучным исследованиям не только по научным связям, но и по методологической природе работы. Здесь анализируется исключительно массовый материал, выявляются закономерности (динамика, эволюция, вариабельность, генезис), выдвигаются гипотезы и проверяются по совпадению ожиданий, выводимых из них, с независимыми фактами, вкусовые и идеологические предпочтения присутствуют не больше, чем в биологии или социологии. Все работы тома соответствуют этим критериям.

В томе есть раздел «Почему бы и нет?». Здесь собраны статьи, в которых выдвигаются смелые гипотезы. Научные журналы обычно не любят такие статьи: доказательства в последних не вполне убедительны. Между тем, если это оговорено, то польза от таких статей чрезвычайно велика. Среди этих статей — работа В. В. Питулько «О ловле мамонтов и не только», в которой автор признает, что охота на мамонтов, столь излюбленная художниками и писателями, в сущности, не доказана. Автор приходит к гипотетическому, но обоснованному выводу, что применялись в основном ловушки, а вымирание мамонта не имело причиной охоту на него. В другой статье чилийские исследователи Прието и Карденас толкуют спиральный орнамент на знаменитой пластинке из Мальты (Сибирь) не как отражение неких идеологем, а как план вырезания ремней из кожи (по спирали).

Второй том «Стратума» назван «Воины медного века», редактор его — молдавский исследователь Игорь Манзура. Том открывается «монографией в журнале». Под этой рубрикой в «Стратуме» печатаются статьи большого объема, которые по размеру и значению вполне могли бы выйти как отдельные монографии. Это интересное изобретение «Стратума». На сей раз такой монографией является коллективная работа Г. Ф. Коробковой, М. Б. Рысина и О. Г. Шапошниковой «Проблемы древнеямной культурной общности в свете исследования Михайловского поселения». Значение Михайловского поселения как опорного памятника для украинского энеолита и ямной культуры подчеркивать не приходится. Книга 1962 г. (Лагодовська та ін 1962) была очень сжатой публикацией, а книга 2005 г. (Коробкова, Шапошникова 2005) ввиду появления новых данных потребовала второго издания. Оно и представлено в журнале. Новые вклады

в основном внесены М. Б. Рысиным. Все ссылки на Михайловское поселение отныне должны делаться по этому изданию.

Из представленных в нем трактовок некоторые нуждаются в корректировке. Так, указав, что в нижнем слое Михайловки домашние животные составляют 95% фауны, а среди домашних 65,5% особей составляет мелкий рогатый скот и только 16,3% — крупный, авторы заключают, что хозяйство «базировалось на разведении мелкого рогатого скота» (с. 164). Между тем, если рассчитать убойный вес, биомассу, то вывод будет другим. Одна корова по весу приравнивается к пяти овцам (не говоря уже о молочных продуктах от нее). Это значит, что если принять для упрощения проценты за единицы особей, то крупный рогатый скот охватит условных 81,5 особей, то есть значительно превысит 65,5 овец и коз. Этому не столь уж подвижному стаду соответствует и наличие свиньи (7,3%). В последующих слоях доля крупного рогатого скота возрастает.

Вопросы хронологии, культурных связей и генезиса излагаются (в основном М. Б. Рысиным) с явным старанием соблюсти объективность: пересказываются все мотивированные точки зрения (причем взгляды М. Гимбутас, пожалуй, с симпатией, но также и взгляды А. Д. Резепкина), а в результате собственные взгляды автора очень трудно определить даже там, где он не говорит, что пока сделать определенный вывод рано или что все правы и всё «поливариантно». Жаль, что упущена возможность прояснить выявленные соотношения синхронистическими таблицами, картами и схемами. Они здесь очень нужны.

Публикацию важного (предмайкопского) памятника представляют собой также две статьи С. Н. Корневского о Ясеновой (Ясеновой) поляне.

Статья датского исследователя Х. Вандкильде (транслитерация фамилии неверна — надо 'Вандкильде') «Воины и воинские институты в энеолитической Европе» определила название всего тома. В ней рассматриваются социальная роль воинов, виды идентификации воинов и их археологические отражения, мужские союзы, воинские институты и их виды. Затем эти категории показаны в археологических материалах культур тисапольгар, лендель, шнуровой керамики и колоколовидных кубков.

В статье болгарского археолога К. Бычварова ставится вопрос о происхождении обычая погребать умерших в сосудах. Рассмотрев самые ранние погребения в урне в Юго-Восточной Европе, автор приходит к идее заимствования этого обычая из стран Ближнего Востока и не очень ясному выводу о том, что обычай возник «в процессе неолитизации как элемент социального воспроизводства и сплоченности» (с. 322). Мне думается, что для проникновения в психологию, стоящую за погребением в сосуде, важнее поздние варианты реализации этого обычая, где можно уловить мифологические сюжеты, связанные с ним — в частности, рождение из сосуда. Тогда станет ясно, что обычай связан с представлением о пребывании души в сосуде между смертью и рождением (см. Клейн 1984; 2009).

Статья С. В. Ивановой из Одессы «Между жизнью и смертью; представления о структуре мифоритуального пространства», пожалуй, очень подходила бы под рубрику «Почему бы и нет?», находясь в ее крайнем секторе. В ней, оформленная несколькими заумными структуралистскими изречениями, проводится идея, что погребения в кургане расположены по спирали, а скорченная

поза погребенного воспроизводит не позу эмбриона или связанного человека, а полет в прыжке, с чем связывается роль плясовых движений в погребальном ритуале.

Продолжается эта тема в статье «Курганы в виде черепах...» покойного В. Л. Ростунова (автора идеи о спиральной структуре майкопских курганов). Культ черепахи и его археологические проявления проанализированы в статье очень доказательно и умело, но курганы в виде черепах оставляют читателя в сомнении. Большой частью это насыпи с дополнительной небольшой насыпью, примыкающей сбоку — над неким небольшим погребением или несколькими (Федоровка, Вербки, Одесский курган, Усатово), а в некоторых (Ревов) нужно большое воображение, чтобы в обычной круговой каменной обкладке увидеть контуры черепахи — как в Усатове, где В. Г. Петренко и Ю. А. Шилов увидели очертания лягушки. В кург. 1 Кудюрлинской группы круглая каменная наброска окружена пятью набросками поменьше, за которыми остатки кромлеха. Эти пять набросков могут обозначать голову и лапы черепахи, так же как и многое другое. Опознавательных признаков «черепашьей» принадлежности у них нет.

Особой категории артефактов посвящена статья румынского археолога Б. Говедарицы «Каменные крестовидные булавы...», сопровождаемая каталогом, включающим 24 предмета, и картой. Выделив 4 типа этих предметов, автор все их относит к энеолиту — времени могильников Мариупольского и Деча Мурешулуй, и еще шире — ко второй половине V — второй половине IV тысячелетия до н. э. (с. 424). Он отвергает возможность отнесения их части к средней бронзе — времени катакомбной и полтавкинской культур. Между тем, из степной полосы аналогичные предметы занесены в Индию, где потомки степного населения — индоарии — помнили оружие своих богов — ваджру, имевшую четыре боевых конца. Говедарица объединяет эти булавы с зооморфными скипетрами в один степной культурный комплекс и следом за Манзурой (2000) реконструирует культуру «носителей скипетров» (Govedarica 2004), хотя такие булавы ни разу не найдены вместе со скипетрами.

В томе еще ряд статей, в том числе моя рецензия на украинскую «Энциклопедию трипольской цивилизации», каковую рецензию я, естественно, оценивать не могу.

Третий том посвящен раннему железному веку, а в железном веке для него избрана тема «Скифские интерпретации», хотя не все статьи тома относятся к этой теме прямо. Безусловно, к ней относится «монография в журнале», которой открывается том — работа киевской исследовательницы С. С. Бессоновой о скифских изваяниях. По скифским изваяниям уже вышли не так давно две монографии — книга В. С. Ольховского и Г. Л. Евдокимова 1994 г. и более локальное обобщение В. С. Ольховского 2005 г. (только западная часть территории). «Монография в журнале» на них ссылается и является наиболее детальной. Автор рассматривает каменные статуи скифов как индикатор политической власти и в связи с этим анализирует их территориальное распространение в разное время как показатель этнополитической организации скифов.

Кроме этой «монографии» в томе выделяются еще, по крайней мере, три крупных статьи: московской исследовательницы Т. М. Кузнецовой о хронологии скифского присутствия на Ближнем Востоке по Геродоту, редактора тома,

одесского археолога И. В. Бруяко, о переходе от Скифии к Сарматии и Л. А. Мосионжника из Молдавии — о Платоне и его идеальном устройстве мира.

В статье Кузнецовой великолепно увязаны все данные, хоть как-то относящиеся к 28-летнему пребыванию скифов «в Азии» за Араксом, и показано, что это точно укладывается в период между 614 и 585 гг. до н. э. Статья очень доказательная, и, поскольку я сам занимался этой проблемой (Клейн 1975, где излагается работа 1951 г.), я могу оценить ее сложность и мастерство автора. Единственный упрек — это умолчание о тех, кто до нее пришел к тем же в основном выводам (это не только я, но и более ранние исследователи).

Статья Бруяко проблему перехода от Скифии к Сарматии излагает в контексте спора нескольких школ археологов (московско-поволжской, петербургской и киевской), но излагает для посвященных, говоря о представителях, но не называя имен, используя намеки и кивки. Статья как бы выносит художественные фигуры и стиль, употребительные на симпозиумах, где все друг друга знают, на более широкую сцену общепалеонтологического обзора, где к этому требуются пояснения.

Работа Мосионжника выпадает из тематики тома, не имея к скифам ни малейшего отношения (если не считать хронологической близости). Это чудесное изложение и анализ первой крупной социальной утопии, очень поучительный, и место ему не столько в научном журнале, сколько в книжке для широкого круга читателей.

Я бы с удовольствием написал еще и о сравнении способов погребения (скармливание собакам и птицам у ариев) с различными археологическими материалами (вплоть до росписей Чатал-Хююка), но я уже написал об этом — статья помещена в данном томе, и как рецензенту мне придется воздержаться от ее оценки. Тем более это касается моей «монографии в журнале» «Панорама теоретической археологии», которой открывается четвертый том, названный «Римское время: полевой дневник» и отредактированный покойным Марком Борисовичем Щукиным из Петербурга. Эта «Панорама» напечатана давно на английском, вызвала большую дискуссию, переведена на французский и словенский, и вот впервые издана на русском. Я рад, что она включена в сборник. Название же тома представляется мне неудачным и долженствующим закрыть неловкости, возникающие из очень уж большого разнобоя статей, собранных в этом томе. «Полевой дневник» в названии появился из моей же памятки «Полевой дневник археолога» в конце тома, также не привязанной к римскому времени. Не привязана к нему и статья В. А. Колесниковой «*In vivo veritas*»; и статья А. А. Романчука и Е. Б. Пантелеевой о древнекитайском мифе, и статья С. Е. Рысева о куранском «единственном учителе» имеют мало общего с римскими древностями. Очевидно, нужен был отдельный том, посвященный не конкретной археологии, а теории археологии, общепалеонтологическим и неархеологическим сюжетам. Тогда не пришлось бы прибегать к словесным изыскам в названии тома.

Статьи же других указанных авторов я оцениваю очень высоко. В своей статье «Древнекитайский миф о стрелке И: чу или чжоу?» Романчук и Пантелеева разбирают широко распространенный сюжет о стрелке, сбивающем с неба лишние солнца. Я занимался другим вариантом этого мифа — о драконе, поедающем лишние солнца. Мне представлялось, что это в основе

своей индоевропейский сюжет, пришедший на границы Китая. Романчук и Пантелеева рассмотрели всё разнообразие вариантов мифа о стрелке и пришли к выводу, что в своем китайском варианте миф сформировался в северной части Юго-Восточной Азии.

Небольшая статья петербуржца С. Е. Рысева дает новое толкование фигур кумранских свитков: тонким анализом Рысев показывает, что у кумранской общины был не один лидер, а двое — Наставник Праведности и Истолкователь Закона (он же Единственный Учитель). Под последним подразумевается Иоанн Креститель.

В. А. Колесникова затронула очень важный вопрос — о распространении алкоголизма среди археологов. В некоторых экспедициях он стал настоящим бичом, да и в целом по стране он выкашивает целые поколения. Не худшие из них поддаются этой заразе и выбывают из строя, от светил, как В. И. Равдоникас, до рядовых археологов, как многие. Из моих учеников несколько виднейших погибло от алкоголя — Г. С. Лебедев, И. В. Дубов и др. М. Б. Щукин пьяницей не был, но в конце жизни потреблял слишком много вина и умер от цирроза печени. Колесникова дельно анализирует признаки и стадии алкоголизма, методы борьбы с ним, но ее анализ страдает излишней абстрактностью — нет конкретных примеров, нет анализа археологической специфики, статья могла бы быть помещена в любом медицинском или общественно-политическом журнале.

В томе есть еще одна «монография в журнале» — симферопольского археолога А. А. Труфанова о хронологии крымских могильников римского времени. Есть статья другого симферопольского археолога, А. В. Лысенко, о крымских святилищах римского времени. Есть и ряд других статей вполне по теме тома.

Зато в пятом томе, «Русское время», «монографий в журнале» нет, и в целом этот том, отредактированный С. В. Белецким и Р. А. Рабиновичем, выглядит несколько несобранным, пестрым по тематике. Уже тот факт, что в нем 13 разделов («Исследования и публикации», «Презентация источника», «Технологии прошлого», «Ювелирное искусство», «Археология представлений», «От Византии до степи» и т. д.), говорит о трудности отыскания единства, основных тем. Это не означает, что в томе нет ничего интересного или что помещенные в нем статьи хуже других, но сделать общий обзор тома труднее. Крупные работы в томе собраны в разделе «Презентация источника». Это статья С. В. Белецкого с анализом сельского кладбища конца предпетровского и петровского времени и статья нескольких авторов о раскопках поселения Тарасова в Молдавии. Выделяется детальностью и эрудицией исследование О. В. Шарова о перекладчатых фибулах, а наблюдательностью и также эрудицией — небольшая статья А. А. Александрова из Пскова, который распознал в каменном идоле из Псковщины кельтское изваяние. Статья Н. В. Жилиной из Москвы о византийской филигрании выглядит как настоящий поэтический гимн Византии, естественный для исследователя-византиниста, но несколько наивный в своей односторонности. Статья молдавского исследователя В. И. Боршевича — теоретико-методологическая и могла бы быть помещена в любом томе. Исследователь тонко анализирует различия между образами и реалиями и многослойность наших образов.

Из всех статей, посвященных памяти ушедших археологов, выделяется трагизмом помещенный в этом томе некролог по румынскому археологу Леону Шиманскому, написанный Анатолием Городенко, тоже умершим. «Когда уходят из жизни такие люди, как Шиманский — выдающийся ученый и маргинальный гражданин, — пишет автор некролога, — уходят без титулов, без почестей, не имея даже своего домашнего очага, я спрашиваю себя: разве всё в порядке в нашем научном профессиональном сообществе, разве не заслужили они права на особое внимание со стороны коллег, общества, государства?» (с. 714). Увы, этот вопрос актуален не только в Румынии.

Шестой том, «Причерноморские этюды», отредактированный кишиневским археологом Н. Д. Руссевым, посвящен нумизматике, этнографии и антропологии. В нем две «монографии в журнале», одна по античной нумизматике Боспора, другая — по этнографическому изучению Юга Украины в конце XIX — начале XX в. (работа 80-х годов, принадлежащая погибшему автору). Остальные статьи более-менее группируются вокруг этих тем. Но есть и другие темы: особенно много статей по этнической идентичности, которая для молодого государства Молдавии (Молдовы) имеет особую остроту. Особняком стоит статья О. А. Долгополовой «Терпимое и отторгаемое в картине обжитого мира (извлечение из опыта Англии XVII века)». Здесь рассматривается трудное продвижение Англии к религиозной и политической толерантности — опыт, важный не только для Молдавии.

Во всех шести томах помещены статьи в память крупных археологов, обычно том посвящен одному из них, и часто это русские археологи, московские и петербургские. В нынешнее время, когда некоторые бывшие союзные республики ограничивают использование русского языка и подчеркивают отделенность от русской культуры, да и в самой Молдавии немало политиков ориентируется на преимущественную связь с Румынией, постоянное поддержание и упрочение научных связей с Россией производит сильное и приятное впечатление. Более того, создание русскоязычного археологического центра в очень небогатой Молдавии, способного адекватно конкурировать с научными центрами Москвы, Петербурга и Новосибирска, представляет собой занятный феномен современного мира, обязанный частично научной традиции, а частично — несомненно личной инициативе и личным связям. Роль личностей в науке всегда была значительно выше, чем роль личностей вообще в истории.

В ближайшем будущем, насколько известно, редакция «Стратума» собирается снова наладить регулярное производство томов журнала и организовать его более удобную и дешевую доставку в Россию.¹ Вот в чем нашей администрации и дипломатии стоило бы помочь молдавским организаторам «Стратума».

¹ Прим. ред.: в 2010 г. все 6 номеров «Стратума» вышли точно в установленные сроки.

Литература

- Клейн Л. С. 1975. Легенда Геродота об азиатском происхождении скифов и нартский эпос // ВДИ 4. 14–27.
- Клейн Л. С. 1984. От Дуная до Индии. Отражение урнового погребального обряда в фольклоре индоариев и проблема фригийской миграции // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Ч. 1. Москва. 35–37.
- Клейн Л. С. 2010. Время кентавров. Степная прародина ариев и греков. СПб.: Евразия.
- Коробкова Г. Ф., Шапошникова О. Г. 2005. Поселение Михайловка — эталонный памятник древнейшей культуры. СПб.: Наука.
- Лагодовська О. Ф., Шапошникова О. Г., Макаревич М. Л. 1962. Михайлівське поселення. Київ: Вид. Акад. наук УРСР.
- Манзура И. 2000. Владеющие скипетрами // SP 2. 237–295.
- Govedarica B. 2004. Zepterträger — Herscher der Steppen. Die frühen Ockergräber des älteren Äneolithikums im karpatenbalkanischen Gebiet und im Steppenraum Südost- und Osteuropas. Mainz: von Zabern.